

ГЛАВА 1

Февральская метель разыгралась не на шутку. Открытые участки шоссе заметало так, что не было видно дороги. Но здесь, где к шоссе Рославль — Брянск подступали леса, дорога оставалась относительно чистой. Разведгруппа старшего лейтенанта Иванникова заняла позиции вдоль шоссе, подготовив еще ночью бревенчатые настилы, по которым можно быстро преодолеть глубокие сугробы возле обочины шоссе. В этом месте дорога изгибалась под углом почти девяносто градусов, и Иванников решил атаковать колонну немцев с двух сторон. Двое бойцов, выдвинутых далеко вперед, подорвут головную машину. Судя по полученным сведениям, впереди будет ехать средний бронетранспортер с установленным на нем пулеметом и шестью солдатами внутри. Затем пойдет грузовик с хозяйственным грузом для штаба, легковой «Мерседес», в котором будет находиться адъютант командую-

шего группой армий «Центр», и замыкать колонну будет машина с солдатами охраны.

Атаковать легковушку под носом двух десятков автоматчиков опасно и глупо. Они сразу покинут машину, займут оборону на дороге и откроют шквальный огонь. Кроме того, у немецкой пехоты на отделение полагается один ручной пулемет. Значит, всего в колонне три пулемета. Необходимо уничтожить колонну, захватить документы, которые везет адъютант командующего, и доставить их в партизанский отряд, куда следующей ночью прибудет для эвакуации документов легкий самолет «У-2». Разведгруппа состояла из восьми человек, опытных бойцов из частей НКВД. Они с лета 1941 года сражались с немецкими диверсантами и сами выполняли боевые задачи в немецком тылу. Девятым в группе был проводник из партизанского отряда Никифор Артемьевич Бочагов — невысокий мужичок из колхозных бригадиров. Щуплый, но жилистый, привычный к тяжелой крестьянской работе. В партизанах два года, леса и окрестные села знает хорошо. Умеет и на лыжах ходить, и машину водить, и трактор. Но вот в военном деле знаток слабый.

Место, которое хотел найти Иванников и которое он описал проводнику, тот подыскал сразу.

И от населенных пунктов, и от гарнизонов далековато, и два больших изгиба дороги, почитай, в общей сложности на километр. Колонна вышла с аэродрома в Рославле еще вчера. Там-то подпольщики и сосчитали количество машин и солдат. Иванников ждал колонну этим же вечером, но из-за метели немцы заночевали в Пеклино. Три ночи бойцы провели в лесу, готовясь к бою. В первую ночь, когда в Рославле еще только ждали приземления самолета, на котором летел адъютант генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, Иванников распорядился установить на дороге радиоуправляемый фугас. Опыт подсказывал, в каком порядке пойдут машины. И в любом случае машина с солдатами охраны, которые представляют наибольшую опасность, пойдет замыкающей. Вот ее и надо было надежно отсечь и уничтожить.

Ночью на дороге устроили небольшой взрыв. Это мероприятие не представляло для группы большой опасности. Приказом по немецким частям и гарнизонам строжайше запрещалось передвижение по дорогам с 18 часов до 8 утра. За исключением плановой переброски войск. В воронку бойцы уложили взрывчатку, установили радиовзрыватель, засыпали землей и утрамбова-

ли снегом. А теперь еще и метелью занесло все следы установки фугаса. Двоих бойцов Иванников отправил вперед и определил им ориентиры. После взрыва фугаса на дороге эти бойцы должны будут двумя гранатами РПГ-40 уничтожить бронетранспортер. Один боец, самый сильный в группе, старшина Почаев, должен будет с расстояния в 20 метров метнуть гранату весом 1,2 кг на капот бронетранспортера, чтобы гарантированно его уничтожить. Второй гранатой он должен был попасть на щитки корпуса бронетранспортера, защищавшие его сверху от попадания гранат. Щитки спасали экипаж от противопехотных гранат, противотанковая же должна была вывести из строя экипаж и пулеметчика. Все, в том числе и Почаев, понимали, что сделать второй бросок у него шансов очень мало.

Группа заняла позиции — по три человека с двух сторон дороги. Но сейчас Иванников лежал один, ожидая, когда двое его бойцов, отправленные на трофейном мотоцикле и в трофейной немецкой форме в разведку, вернутся с нужными командиру сведениями. Люди начали замерзать. Без горячего питания, пролежав несколько часов в снегу, они старались согреться, почти не двигаясь. Только напрягая и расслабляя мышцы.

Белесая мгла застилала все вокруг, напряжение нервов нарастало. И вот вдали раздался треск мотоциклетного двигателя. Командир привстал на одно колено, поправляя капюшон белого маскировочного костюма. Звук нарастал справа, со стороны Рославля. И через пару минут на дороге показался весь белый от налипшего снега мотоцикл с коляской.

Двое бойцов в немецкой форме с ходу загнали мотоцикл за сугроб и отвалили в сторону щит из сплетенных прутьев. Гора снега завалила почти всю машину. Подбежавший к Иванникову разведчик упал рядом в снег и лежа стал натягивать маскировочный костюм.

— Плохо, командир! Они соединились с другой колонной и идут вместе! Минут через десять будут здесь...

— Сколько? Быстро! — приказал Иванников.

Решение нужно принимать быстро. Приказ должен быть выполнен любой ценой! Что-то еще можно поменять, переставить силы. Если колонна с адъютантом войдет в Брянск, то документы уже будет не добыть. Они попадут в сейф командующего. Только сейчас и только здесь.

— Три грузовика и бронетранспортер, — ответил разведчик. — «Броник» тянет один грузовик

на буксире. Машины перегружены, видно, как тяжело идут. И еще одна легковушка добавилась. Но не генеральская. Просто какая-то штабная «шаланда».

— С грузом, с солдатами? — нетерпеливо перебил Иванников. Сейчас этот вопрос был самым важным.

— Скорее всего с грузом. Тент по бокам у машин выпирает. Если солдаты и есть, то немного. Охрана сопровождения груза. Думается, тыловой обоз идет. Они к нужной нам колонне пристроились сзади.

— Плохо! — проворчал Иванников. — Аккурат попадем под пулемет второго бронетранспортера. Вот что, Петро! Дуй вперед, возьми вторую РПГ и занимай позицию на двадцать метров правее меня. Заглушишь второй бронетранспортер.

— Есть, — отозвался разведчик и, вскочив, быстро побежал, падая и поднимаясь, по рыхлому снегу.

Командир повернул голову и подозвал к себе партизанского проводника. Бочагов довольно ловко и умело пополз между деревьями и кустами. Иванников усмехнулся. Дисциплинированный боец, ничего не скажешь. Сейчас нет необходимости ползать, а он выполняет последний приказ.

Когда бывший колхозный бригадир добрался до командира, тот приказал:

— Вот что, Никифор! Времени рассусоливать нет. Твой отряд на помощь звать нет времени. Колонна на подходе, и она больше, чем мы рассчитывали. Да и от отряда твоего мало что осталось, после последних боев рассредоточились по лесам, кто жив остался. Так что надежда у меня на тебя, как на представителя партизан, как на всех партизан, что поднялись на борьбу с фашистом вместе с Красной армией! Не хотел я тебя в бой посылать, но иного выхода нет.

— Ты, командир, не сомневайся, я сделаю все, что надо, — заверил Бочагов. — Приказывай. Одна у нас судьба теперь, у всего народа одна, и от каждого зависит день освобождения.

— Слушай и запоминай. Ты смотришь только на меня. Делаешь все как я. Я вскочил на ноги, и ты быстренько поднимаешься, я вперед, и ты за мной. Больше чем на два шага не отставай. Стреляй, если враг перед тобой, убивай, но главная твоя задача — добраться со мной до генеральской машины. Там я тебе документы передам, и тут наступит самый главный момент в твоей жизни. Ты этот портфель должен передать в отряд. Там знают, что с ним делать и как переправить на Большую землю.

Ни на что внимания не обращай. Про нас забудь, мы прикроем тебя, ты только к своим рвись, грызи зубами, убивай, хоронись, когда надо, но доберись, спаси портфель. Понял меня, боец?

— Понял, как не понять, — кивнул Бочагов, и лицо его стало мрачнее ночи. — Виноват, командир. Есть: принять портфель с документами и доставить в отряд!

— Вот так, — облегченно вздохнул командир. — Теперь все остальное не важно. Теперь мы приказ выполним.

Из-за поворота показалась колонна, и Иванников поудобнее взялся за свой автомат. Несмотря на большой вес и высокую скорострельность, из-за которой патроны быстро заканчиваются, группа все же была вооружена автоматами ППШ. Только это оружие позволяло за короткий промежуток времени обрушить на врага шквал пуль, создать подавляющее огневое превосходство. И каждый боец нес с собой по шесть дисков для автомата и по две противопехотные гранаты. Две противотанковые гранаты у каждого бойца составляли единственное противотанковое вооружение группы. Теперь рассчитывать приходилось лишь на гранаты, боевое мастерство бойцов НКВД и хорошо спланированную операцию. К сожалению,

случайность, от которой никто не застрахован, внесла свои коррективы. Но первейший закон войны, первейший закон армии гласит, что военнослужащий должен выполнить приказ любой ценой. Иначе в армии и на войне нельзя. Командир, отдавший приказ, должен быть уверен, что подчиненный выполнит его, даже если придется для этого умереть. Такая вот работа.

Колонна шла в том порядке, о котором доложил разведчик. «Хотя бы это хорошо», — подумал старший лейтенант, держа палец на кнопке передатчика, который должен передать сигнал радиовзрывателю. Еще минута. Медленно ползет техника. Настороженность немцев чувствуется, внимательно смотрят по сторонам водители и сидящие с ними рядом младшие командиры. Замерли пулеметчики, прижав приклады к плечу в обоих бронетранспортерах. Настороженные, но эта настороженность уже вошла в привычку. А значит, нападение все же будет неожиданным. Фактор неожиданности очень нужен группе. Нужно всего несколько секунд растерянности врага от неожиданной атаки, и нужна согласованность действий всех бойцов разведгруппы.

Начали! Палец надавил на кнопку, и прямо под капотом грузовика с солдатами взметнулся столб

снега и черной земли, в котором отсветами мелькнуло яркое пламя. Грохот разорвал тишину сонного февральского леса. И тут же ударили ППШ. Пули били по кабинам, прошивали мерзлый тент, вдребезги разлеталось стекло, со скрежетом пули прошивали металл. Грузовик подбросило, и он загорелся, встав почти поперек дороги. Из кузова стали прыгать оглушенные солдаты и разбежаться по сторонам. Кто-то падал под пулями, кто-то сам ложился, озираясь и ища цели.

Грохнул второй взрыв. Иванников с удовлетворением увидел, как полыхнул пламенем капот головного бронетранспортера. Машина прокапала еще пару метров и остановилась, отчаянно дымя. Из леса через этот дым выскочил боец, не обращая внимания на огонь, вырывавшийся из двигателя, вскочил на капот и дал несколько очередей внутрь броневи́ка. Прыгнув вниз, он поспешно снял с турели пулемет и потащил его к заднему борту.

— Прикрой! — крикнул Иванников бойцу, который оставался с ним рядом и вел прицельный огонь по грузовикам. — Я пошел!

Командир вскочил и, низко пригибаясь, побежал через замаскированный бревенчатый настил к дороге. Легковой автомобиль был цел. По нему

дали с двух сторон несколько очередей, целясь на уровне голов. Кого эти пули не зацепили, должны были выскочить наружу и искать укрытие, но из машины никто не выбегал. Пули свистели совсем рядом и взметали снег у самых ног. Был слышен топот ног бежавшего следом партизана. Вот и машина. Через заметенное снегом стекло Иванников видел контуры голов, но люди в машине не двигались. Старший лейтенант рванул дверь за ручку на себя и тут же отпрянул в сторону, но выстрела не последовало.

Моложавый холеный адъютант с генеральскими погонами на шинели с меховым воротником был мертв. Его голова в фуражке с меховыми наушниками безжизненно свесилась набок, а глаза уставились вперед, и в них затаились удивление и боль. Дырочка от пули виднелась на шинели как раз на уровне сердца. Сидевший рядом полковник вермахта выглядел не так эстетично. Ему автоматная пуля снесла половину головы, и салон, стекло за его спиной были забрызганы кровью и серым мозговым веществом. Водителя в машине не было. Иванников выругался, схватив пальцами цепочку на руке мертвого адъютанта. Она предназначалась для пристегивания к руке портфеля с секретными документами. Замок расстегнут, портфель пропал!

Иванников быстро осмотрел салон машины. Несколько пуль пробили металл, еще одна разбила стекло возле его плеча. Маленький блестящий ключ от замка цепочки валялся на полу возле ноги убитого адъютанта. Командир стиснул зубы. Все напрасно! Как, как это произошло? Может, кто-то из ребят с другой стороны дороги подобрался к машине и забрал портфель? Их было двое, тех, кто должен подорвать бронетранспортер и отсечь от легковушки охрану. Подняв голову, командир увидел, что пулемет из кузова головного бронетранспортера не стреляет. Он торчит на турели, беспомощно задрав ствол в небо, и рядом с борта машины свисает рука в белом рукаве маскировочного халата. Рукав пропитан кровью, и кровь капает на белый снег шоссе. Второй боец головной группы лежал на спине, широко раскинув руки и ноги на краю дороги, сраженный пулей. За спиной, там, где располагался хвост колонны, стрельба не прекращалась, ухали взрывы гранат. Решение было одно. Иванников упал на снег и за руку подтащил к себе проводника.

— Никифор, уходи!

— Да как же я, товарищ командир, — начал было возмущаться Бочагов, но Иванников перебил его:

— Выполняй приказ! — крикнул старший лейтенант. — Приказываю, любой ценой добраться до отряда, выжить и добраться. И доложить, что документов в машине нет. Мы прикроем тебя как сможем, задержим фашистов. Главное, доложишь, что портфель кто-то успел забрать...

— Есть, — хмуро ответил Бочагов и пополз к краю дороги. Потом вскочил и одним броском преодолел расстояние до обочины. Партизан упал, скатился по снегу, вскочил и снова побежал, падая и спотыкаясь, прикрываясь деревьями. Пули били в стволы, сверху сыпались хвоя и мелкие ветки, но он добрался до своих лыж, сунул ноги в крепления и на миг замер, прислушиваясь. Бой на дороге грохотал вовсю. Вздохнув, партизан просунул кисти рук в петли лыжных палок и заскользил по рыхлому снегу глубже в лес.

Окна управления контрразведки 13-й армии выходили как раз на спортивный городок. Начальник управления Смерша стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел, как трое мужчин занимались физкультурой. Один уделял внимание силовым упражнениям, второй чисто гимнастическим, направленным на развитие гибкости. Третий, посматривая на наручные часы, больше занимался бегом.

— Какие они у вас разные, — заметил полковник Стрельчук. — Я говорю о характерах, пристрастиях, привычках. Или они заняты упражнениями в соответствии с вашим настоящим заданием? Специфика операции?

— Нет, они действительно все очень разные, — усмехнулся Шелестов. — Как и каждый из нас, живущих на этой земле.

Чтобы не выделяться, группа прибыла в Ливны одетая в военную форму. Все с капитанскими погонами стрелковых частей, и лишь Шелестов имел на плечах погоны майора. Какого рода будет задание, Шелестов не знал, но то, что их в таком авральном порядке самолетом из Москвы перебросили ближе к линии фронта, настораживало. Значит, ситуация такова, что группу не успели проинструктировать в Москве, значит, времени очень мало, и информация их ждет здесь. Причем из первых рук. Значит, не было смысла повторяться и начинать объяснения в Москве. Все это было очевидно. И даже полковник Стрельчук не имел информации о предстоящем задании, судя по его вялым попыткам узнать, к чему готовится группа и какие действия могут понадобиться с его стороны.

— Как обстановка в тылах фронта? — спросил Шелестов.

— Фрицы активизировались, — ответил Стрельчук и отошел от окна. — Едва успеваем вылавливать все новые и новые разведывательно-диверсионные группы. Удалось выйти и на «замороженную» агентуру, которую они оставили здесь при отступлении.

— Чего-то ждут, к чему-то готовятся?

— Они знают, что мы готовим операцию на Курско-Орловском выступе, мы знаем, что и они готовят что-то. Вот все и начали активный сбор сведений. Учитывая, что о прибытии вашей группы меня предупредили аж из Москвы, задание у вас серьезное. Так что, Максим Андреевич, простите, не знаю вашего звания, если что, обращайтесь непосредственно ко мне.

— Обращусь, — кивнул Шелестов. — В нашем деле скромность лишь помеха.

Группе было запрещено выходить в город. Для жилья оперативникам выделили комнату в полуразрушенной школе, которая оказалась внутри охраняемого периметра штаба армии. На обед ходили вместе с другими офицерами штаба в офицерскую столовую, в свободное время занимались физкультурой, единоборствами. Для стрельбы условий не было, поэтому тренировки с оружием

пришлось отложить. Шли вторые сутки вынужденного безделья.

Придирчиво осмотрев своих оперативников — хорошо ли каждый побрит, подшит ли у каждого чистый подворотничок на гимнастерке, не мятое ли обмундирование, хорошо ли начищены сапоги, — Шелестов кивнул:

— Все, пошли на обед.

Максим шел сзади, глядя на своих друзей. Буторин хмурый и молчаливый. Все время после их последней операции в Норвегии он ходит такой, весь в себе. Коган налегает на силовые упражнения и гимнастику. После ранения ноги, кажется, его что-то беспокоит, но Борис никогда не станет жаловаться и искать сочувствия, поблажек. Когда ему плохо или больно, он становится злым — на себя, на свою боль. А вот Миша Сосновский улыбается небу, апрельскому солнцу. И все ему нипочем. А ведь он из них самый опытный, он работал в заграничной разведке в Германии под прикрытием дипломатического паспорта. И что у Михаила в голове и на душе, никому в жизни не догадаться. Актер еще тот!

Большая часть офицеров уже пообедала, и в столовой было относительно пусто. Шелестов специально выбирал такое время для обеда, что-

бы меньше привлекать внимания к группе. Рассевшись вокруг квадратного стола, покрытого зеленой клеенкой вместо скатерти, все выжидающе посмотрели в сторону кухни, откуда уже спешили официантки, которых здесь почему-то называли просто — подавальщицы. Буторин продолжал сидеть и смотреть в сторону окна без всякого выражения на лице. Коган и Сосновский, как обычно, начали обсуждать девушек, а через пять минут перешли к обсуждению абстрактной и бесконечной женской темы.

И когда девушки убрали пустые тарелки и на столе остался лишь компот из сухофруктов, Сосновский наклонился к Шелестову и тоном заговорщика попросил:

— Максим, мне надо срочно в город...

— Что? Зачем? — удивился Шелестов.

— Ну как это зачем, — горячо зашептал Сосновский. — Я же не могу ходить с такой рожей. Помилуй бог, здесь же есть женщины!

— Миша, — укоризненно посмотрел на Сосновского Максим. — А может, хватит дурака валять?

— Мне нужна новая бритва, — сразу стал серьезным Сосновский. — Мою уже править нельзя. Она царапает лицо, и скоро я буду ходить с таким

видом, как будто каждое утро, двигаясь по дороге на завтрак, продираюсь через кустарник.

— А мне нужен пояс из собачьей шерсти от ревматизма, — вставил Коган.

— Ясно, — усмехнулся Шелестов. — Скучно вам. Развлекаетесь. А тебе, Виктор, что надо в городе?

— Пообедали, пошли уже, — спокойно отозвался Буторин и провел рукой по седому ежику своих волос.

— Так, тридцать минут всем на составление списка, — заявил Шелестов. — Кому что и срочно нужно.

Они шли к своей «казарме». Максим догнал Буторина и пошел с ним рядом. Оба молчали до самого спортивного городка. Наконец Шелестов заговорил:

— Витя, ты меня беспокоишь. Впереди черт знает что за операция, а ты молчишь все время, как окаменел. Мне, если честно, страшно за тебя.

— Брось, — коротко ответил Буторин. — Все в норме.

— Это из-за нее, — не поверил Шелестов, вспоминая погибшую девушку Мэрит из норвежского Сопротивления. — Война, Витя! Нельзя давать сердцу страдать. Окаменеть оно должно. За-

кончится все, тогда и грустить будем, и плакать, и добрым словом вспоминать всех, кого мы потеряли. А сейчас нельзя.

— Кончится? — спокойным и каким-то серым голосом спросил Буторин. — А когда?

— От всех нас зависит, когда кончится, — резко сказал Максим. — От каждого из нас, от каждого бойца на передовой, от каждого человека в тылу, кто работает ради фронта, ради победы. От каждого мальчика, что занял место у станка взамен ушедшего на войну отца, брата.

— Мне грустно не от этого, — добавил Буторин. — Война страшная, жертвы миллионными исчисляются. Такого в истории человечества еще не было. Одна война страшнее другой. Мировая с немцами, Гражданская, теперь эта. Ладно, мы, мужики, воины! Но девочки, такие как Мэрит, они не должны умирать, не должны воевать.

— Она была не девочка, — ответил Шелестов. — Она была бойцом, да еще каким! И еще пойми, Витя, что тебе никто не разрешил бы жениться на иностранке. Как ты себе это все представляешь?

— Никак, — спокойно ответил Буторин. — И нечего тут обсуждать.

— Вот и я о том же! — с энтузиазмом заметил Шелестов, увидев своих оперативников на спортивной площадке.

Коган был занят тем, что устанавливал самодельный щит, изображавший ростовую фигуру человека. Фанерный щит никак не хотел стоять, то и дело падал. Дважды он падал, ударяя Когана по голове. Борис тихо ругался и с неудовольствием поглядывал на Сосновского, ходившего вокруг него с заложенными за спину руками и громко читавшего стихи на немецком языке:

Im wunderschönen Monat Mai,
Als alle Knospen sprangen,
Da ist in meinem Herzen
Die Liebe aufgegangen.
Im wunderschönen Monat Mai,
Als alle Vögel sangen,
Da habe ich ihr gestanden
Mein Sehnen und Verlangen.

Шелестов остановился и взял за локоть Буторина, чтобы тот не помешал Сосновскому читать стихи.

— Генрих Гейне. А Михаил у нас романтик и позер, — тихо сказал Максим. И процитировал перевод на русском:

В волшебном-светлом месяце мае
Все почки распускались,
И в нежном сердце у меня
Мечты любви рождались.
В волшебном-светлом месяце мае,
Когда все птицы пели,
Я ей сказал, что я ее
Люблю на самом деле¹.

Сосновский обернулся, проигнорировал засмеявшегося Когана и укоризненно посмотрел на товарищей. Подняв указательный палец вверх, он заявил почти торжественно:

— Вот увидите! Эта война рано или поздно закончится, но мир уже никогда не станет прежним. Он изменится, может быть, до неузнаваемости. Мы прикончим фашизм окончательно, и о нем забудут на века. А может, снова по углам начнет собираться в кучки коричневая мерзость. Многое все равно изменится в головах простых людей и политиков. Но неизменным и вечным останется другое: культура, великое культурное наследие, искусство, литература. Поэзия! Ведь классика, она вне политики, вне войн и международных споров. Люди забудут о фашистах, но

¹ Перевод И. Анненского.

никогда не забудут Гейне. Вот в чем прелесть этого мира, вот в чем надежда и вера в светлое будущее.

Михаил хотел еще что-то добавить к своей высокопарной речи, но из-за угла кирпичного здания показался помощник дежурного. Он подбежал, сбавил шаг и вскинул руку к фуражке:

— Товарищ майор, вас срочно просят в комнату спецсвязи к аппарату ВЧ. Москва!

— Все, — тихо произнес Буторин. — Время поэзии пока подождет. Пока еще говорят пушки...

Когда зуммер снова зазвучал и на другом конце линии сообщили, что будет говорить нарком, все вышли из помещения. Максим взял трубку и доложил:

— Шелестов на связи. Здравия желаю.

— Здравствуй, Шелестов, — голос Берии звучал чисто, можно было различить все интонации. Сейчас Лаврентий Павлович очень торопился и был сильно озабочен. Его всегда в таких случаях выдавал усиливающийся грузинский акцент. — Рад, что живой и что твоя группа боеспособна. Платов тебе сейчас поставит задачу, но я хочу, чтобы ты от меня услышал главное. От результата работы твоей группы зависит успех крупной военной операции, жизни десятков и сотен тысяч на-

ших солдат и вопрос стратегической инициативы. Удивлен? Не удивляйся, все очень просто, банально просто, Шелестов. Не забывай про сложность своего положения и свою ответственность перед Родиной. Понял меня?

— Так точно, понял вас, — спокойно ответил Максим, однако по спине у него пробежал предательский холодок.

Берия редко угрожал и напоминал, что Шелестова и его товарищей вытащили из камер, но не прекратили их дела по обвинению в измене Родине. Да, самой измены не было, был оговор и стечение обстоятельств, которые позволили заподозрить в измене многих, в том числе и самого Шелестова, и Когана, и Буторина, и Сосновского. Никто из них не был предателем, но обвинить и приговорить могли каждого из них. И привести приговор в исполнение не составит труда. Иногда в таких вот случаях, когда задача группы была предельно сложной, на грани невыполнимости, Шелестов подумывал: а не бросить ли все и не попытаться отказаться от возвращения домой? Он понимал и другое. Что такая попытка бегства станет последним и самым важным доказательством его «вины» перед Родиной. И тогда уже он будет обречен. И ребята будут обречены. А выполняя

приказы, участвуя в сложных и крайне опасных операциях, они могли еще рассчитывать на «прощение», оправдание и прекращение против них дел. Было и другое, пожалуй, самое важное, самое главное в их положении — они не сидели сложа руки, они четверо сражались с ненавистным врагом, они помогали Родине, они воевали за нее. И Шелестов мог сейчас простить все что угодно относительно себя самого лишь за то, что у него есть возможность сражаться, что такую возможность ему дали.

— Здравствуйте, Максим Андреевич, — раздался голос Платова. Как всегда спокойный и размеренный, но деловитый. — Надеюсь, группа готова к выполнению сложного задания?

— Так точно, Петр Анатольевич. Все члены группы в хорошей физической форме. Слушаю ваш приказ.

— Кроме самого приказа, Максим Андреевич, мне бы хотелось вам обрисовать обстановку. Конечно, Лаврентий Павлович был эмоционален, но он не особенно сгустил краски. И я рад, что именно ваша группа будет выполнять это непростое задание. В вас у меня сомнений нет. События, которые вскоре развернутся на одном из участков фронта, способны повлиять на дальнейший ход

этой войны, Максим Андреевич. Сейчас и мы, и фашисты готовимся к этим событиям. Операция, которую готовит наша Ставка, позволит разгромить группу армий «Центр». Это наиглавнейшая задача. Но есть и второстепенные задачи, которые также влияют на стратегические планы. Эта операция не позволит немцам перебросить резервы под Ленинград, где идут ожесточенные бои по прорыву блокады. Эта операция не даст немцам возможности перебросить войска на юг, где наши войска прорывают «Голубую линию» на Таманском полуострове. Ваше задание — найти и переправить командованию комплект штабных документов, которые вез адъютант командующего группой армий «Центр» из Берлина.

— Вы уверены, что мы вчетвером способны повернуть такого рода операцию? Да еще без подготовки? — удивился Шелестов.

— Вам не потребуется атаковать армейские штабы крупных немецких соединений, — спокойно возразил Платов. — Ваша задача иная, но не скажу, что она проще, потому что мы не знаем, что там произошло. Вам придется самим ориентироваться в ситуации за линией фронта и принимать решение. Времени на подготовку нет, потому что немцы тоже ищут пропавшие документы. Вряд

ли они в состоянии за такой короткий срок кардинально изменить свои планы, но найти документы и лишить нас возможности ознакомиться с ними могут вполне.

— Значит, кто-то уже пытался этими документами овладеть? — понял Шелестов.

— Ситуация такова. Наша разведгруппа совершила нападение на немецкую колонну за линией фронта. Завладеть документами не удалось, группа, судя по всему, погибла. Но мы получили сведения, что во время нападения портфель с документами и планами пропал. Куда он делся, не знаем пока ни мы, ни немцы. Все, кто из немецких солдат и офицеров группы сопровождения остались после нападения в живых, арестованы и содержатся под арестом в Брянске.

— Вы хотите сказать, что кто-то... — начал было Шелестов, но Платов перебил его:

— Подвожу итог. Группа, которая должна была захватить документы, не выполнила задания и, видимо, погибла. Адъютант, перевозивший документы, и большая часть сопровождавших его людей убиты. Несколько человек, оставшихся в живых, под арестом. Идет расследование и поиск документов силами абвера. В составе группы был немецкий унтер-офицер, завербован-

ный нашими сотрудниками. Среди убитых он не значится. Есть основания полагать, что он тоже под арестом. Только он может знать, куда исчез из машины портфель с документами, вероятно, он сам его взял и спрятал. Ваша задача: переправиться через линию фронта, установить точное местонахождение завербованного унтер-офицера. Принять меры к его освобождению, найти с его помощью портфель с секретными документами гитлеровской ставки и доставить советскому командованию.

— Как мы можем опознать агента?

— С вами на задание отправится офицер НКВД, который вербовал этого немца и знает его в лицо.

— Уф, уже легче, — не удержался от шумного выдоха Шелестов. — Это решает многие проблемы.

Вечером, когда уже стемнело, группа погрузилась в кузов «полуторки», крытый брезентом. Полковник Стрельчук пожал каждому руку, а потом сам закрыл задний борт грузовика и махнул рукой. Поехали!

Через полтора часа езды по ухабам и грязи грунтовых дорог машина въехала на военный аэродром. У самого леса, где кончались рулежные

дорожки, под маскировочной сеткой стоял большой транспортный «Дуглас». Старший лейтенант, представившийся оперативником Смерша, проводил гостей в отдельную пустующую землянку, зажег на столе керосиновую лампу.

— Кто отвечает за нашу отправку? — осведомился Шелестов.

— Сейчас вернется капитан Анохин. Он в курсе дела.

Группа повалилась на деревянные лежанки, устроенные вдоль стен. После выматывающей непрерывной тряски хотелось вытянуться и полежать. Личные вещмешки распаковывать не стали. Скорее всего, вещи останутся здесь, а для операции придется получать другое имущество, оружие. Коган отвернулся к стене и задремал, Сосновский просто лежал с закрытыми глазами, и лишь Буторин ворочался с боку на бок и ворчал:

— Нет ничего хуже, когда ты что-то важное должен сделать, а результат и подготовка зависят не от тебя.

— Скоро все, что нам нужно, выяснится, и мы все узнаем, — спокойно возразил Шелестов. — Ты же знаешь, Виктор, что такова была ситуация, что нас пришлось собирать и отправлять в аварийном порядке.

Максим понимал, что у Буторина не нервы сдают, что он ворчит лишь для того, чтобы чем-то занять себя. Виктор по-прежнему может быть собранным и хладнокровным. Он опытный разведчик, с хорошей подготовкой. Да и вместе они уже не один год. Шелестов видел Буторина в разных ситуациях. Достаточно вспомнить, как они с Коганом прикрывали их отход из Новороссийска на катерах, отстреливаясь от немецких скоростных судов, подставляя себя. Никаких эмоций и терзаний, только холодный и безошибочный расчет. Пусть поворчит, это полезно. У каждого свой характер, свой тип нервной системы. И каждый готовится к операции по-своему, индивидуально.

В дверь постучали, и она открылась, пропускающая высокого статного капитана. Он прищурился, осмотрелся в полутемной землянке и спросил:

— Разрешите? Я капитан Анохин. Будем знакомы!

Шелестов поднялся с табурета, его бойцы тут же вскочили с лежанок. Пожав каждому руку, всматриваясь в лицо нового знакомого, гость сдержанно улыбался. Широко распахнулась дверь, и в землянку вошли трое солдат с полевыми термосами. В одном оказался горячий чай, во втором гречневая каша с мясом. Анохин предложил перед

дорогой подкрепиться. Когда удастся позавтракать, было неизвестно. Группа с завидным аппетитом загромыхала ложками по железным тарелкам, уминая вкусную кашу.

— Ну, в общем-то, дело обычное, — не спеша работая ложкой, рассказывал Анохин. — Унтер-офицера Карла Майснера я завербовал еще три месяца назад. Водитель штаба — это величина не слабее любого генерала! Он оказался из рабочих и критически относился к германскому правительству. Не скажу, что он ярый антифашист в прошлом, но нынешнее положение на фронте открыло ему глаза на многое, и он просто хочет выжить и хочет, чтобы скорее закончилась война. Есть у мужика определенные иллюзии, но я их его лишать не стал.

— Он решил, что одно серьезное поражение на фронте — и Гитлер лапки вверх поднимет, чтобы мы не вошли на территорию Германии? — предположил Сосновский.

— Примерно так, — хмыкнул Анохин. — А тут задание. Ко мне обратились за помощью, когда планировали операцию. Ну я и ввел в дело Майснера. Он там каким-то образом устранил водителя машины, которая должна была везти адъютанта, и сел за руль сам. Задачу он не знал, цель опера-

ции перед ним никто не раскрывал, но Майснер, я думаю, не дурак, сам все понял, когда увидел браслет на руке адъютанта, соединенный цепочкой с ручкой портфеля. Я думаю, что, когда началась заваруха на дороге, он смекнул, что к чему. Пристрелил офицера, вытащил из кармана ключ, отстегнул цепочку и спрятался в лесу. Увидел, что группа русских погибла, и стал действовать по своему усмотрению. А вот что делать нам и как он решил поступить, для меня не меньшая загадка, чем и для вас. Но скорее всего он успел где-то спрятать портфель, а потом его и всех оставшихся в живых арестовали по подозрению в измене и помощи русским.

— Есть еще свидетели этого боя? — спросил Буторин. — Партизаны, подпольщики, кто-то из местных, кого они взяли проводником, мальчишки местные вездесущие?

— Да был проводник, — кивнул Анохин. — Из партизан. Он и принес в отряд информацию об этом бое. Но, к сожалению, командир группы его отправил еще до окончания боя, чтобы сообщить, что в машине портфеля не было. И водителя легкового автомобиля тоже не было. Придется нам на месте разбираться, отделять, так сказать, зерна от плевел и шаг за шагом продвигаться к истине и...

— ...портфелю, — вставил Сосновский.

— А вы, — Анохин повернул голову к Михаилу, — как я понял, свободно владеете немецким языком?

— Берлинский диалект, — равнодушно пожал плечами Сосновский и стал рассеянно рассматривать ногти на своей левой руке.

— Хорошо. А теперь карты местности! — Анохин достал из планшета несколько сложенных топографических карт.

— Партизаны нам смогут помочь? — спросил Буторин. — База в лесу, боевое прикрытие в случае необходимости, помощь проводника — все это может пригодиться.

— Отряд понес большие потери в результате карательных операций фашистов в этом районе. Сейчас остатки отряда разбросаны по нескольким временным базам в лесах. На серьезную помощь рассчитывать не придется. Но связь с городским подпольем у нас будет.

ГЛАВА 2

Множество разрушенных домов, битый кирпич, поваленные столбы, перепутанные провода оборванных электросетей. Расчищены лишь ос-

новные улицы, которыми оккупанты пользовались сами. Местное население передвигалось по тропинкам, протоптанным по краю развалин. К домам никто не рисковал приближаться, эти руины могли в любой момент обрушиться. Что часто и бывало.

Шелестов заметил немецкий патруль лишь дважды. Гитлеровцы тоже не особенно были настроены лазить по развалинам и искать партизан. По центральным улицам, где располагались оккупационная администрация и казармы, то и дело проезжали грузовики с солдатами, машины тыловых служб. Насколько им с Буториным удалось определить, большого гарнизона в городе не было. Несколько укрепленных позиций они держали на Десне, в основном у мостов и на востоке от железнодорожного узла. Гораздо сильнее гарнизон был в Полпино, откуда простреливалась вся рокадная Калужско-Брянская магистраль.

Прячась в развалинах жилого дома у основательно разрушенного дверного проема, Шелестов видел почти всю улицу — от перекрестка справа до почти полностью сгоревшего квартала частных деревянных домов. Буторин правее в двух метрах от него стоял на одном колене у пролома в стене и наблюдал за противоположной стороной ули-

цы. Вот показался Анохин. Капитан был одет во вполне приличную костюмную пару и шляпу из тонкого фетра. На руке висит серый плащ-пыльник. Шел Анохин не спеша, небрежной походкой уверенного в себе человека. Под плащом у него был спрятан «шмайсер» со сложенным прикладом. Шелестов протестовал против того, чтобы капитан шел на встречу со связником из подполья вооруженным, но тот возразил, что место для встречи выбрано удачным и укрыться в случае нападения фашистов удастся легко. Как раз автомат и даст кратковременное огневое преимущество и позволит добежать до развалин справа или слева. А дальше спасут только ноги. Максим в ответ лишь пожал плечами. Анохин несколько раз ходил за линию фронта, несколько месяцев работал в тылу в составе диверсионного отряда НКВД, у него был большой боевой опыт, и приходилось на его опыт полагаться.

Связник появился возле обгоревшей круглой рекламной тумбы. Он вышел незаметно, как будто материализовался из воздуха. Только что никого не было, и вот уже в условленном месте стоит человек в фуфайке без воротника и покуривает, подперев тумбу плечом. Все, как и договорено. Мужчина лет 60, седовласый, фуфайка на груди порва-

на и защита черной квадратной заплатой. Сапоги кожаные ношенные со светлыми отворотами. Под мышкой держит газетный сверток, из которого торчит новое топориче. В бинокль Шелестов связника разглядел хорошо. Особенно тщательно он разглядывал лицо мужчины. Нет, спокоен, но насторожен. Привычная такая настороженность. Без суеты и паники. Хорошее лицо. Если это агент гестапо, то он вел бы себя иначе. «А почему иначе? — поймал себя на этой мысли Максим. — Как раз агент гестапо вел бы себя очень правдоподобно, чтобы не было подозрений, иначе контакт не состоится».

— Связник на месте, — тихо произнес Шелестов. — Условные знаки соответствуют.

— Понял, — отозвался Буторин. — В моем секторе пока чисто.

Все шло по плану, но на душе Максима было не очень спокойно. Наверное, оттого, что вот этот момент был одним из самых ответственных во всей операции. Связь с подпольем даст надежное убежище группе, обеспечит информацией из города. Подпольщики могут и подстраховать во время боевой операции. Сил подполья никто не знал. Скорее всего подполье пострадало так же сильно, как и партизанские отряды. Но все рав-

но без местных помощников не обойтись. Группа в чужой местности, не знает обстановки, не знает города. Шелестов думал об этом, следя за улицей и анализируя ситуацию. Анохин постоял у стены закрытого магазина. Закурил, выпустив вверх струю дыма, и небрежно бросил спичку на землю. Сейчас произойдет контакт. Капитан подойдет к связнику, и они обменяются условными фразами пароля.

Нервы у Шелестова были напряжены. А дальше произошло то, чего он боялся и чего на уровне подсознания ждал. Не верилось ему, что все так тихо и спокойно в оккупированном фашистами городе. Справа из развалин на улицу выбежали пятеро немцев в форме и с автоматами. Слева из-за сгоревших домов еще четверо в гражданской одежде и тоже с автоматами. Улица наполнилась криками «halt», «niemand bewegt sich». Связник мгновенно юркнул за рекламную тумбу и оттуда дважды выстрелил из пистолета. Один из немцев согнулся, хватаясь за плечо. Застрекотали автоматные очереди. Анохин сбросил с руки плащ и дал длинную очередь влево. Двое в гражданском упали, а остальные бросились в разные стороны в поисках укрытия. Снова защелкали пистолетные выстрелы, но их заглушили автоматные очереди, и связник,

бросившийся в сторону домов, рухнул плашмя на асфальт. Под его головой стала растекаться лужа крови. А с обеих сторон улицы уже трещали мотоциклетные двигатели. На дорогу стали выезжать автоматчики, соскакивать с мотоциклов и окружать место перестрелки.

Ни Шелестов, ни Буторин не успели поднять автоматы. До последнего надеясь, что капитану удастся добежать до развалин. Но тот вдруг споткнулся и упал. Снова поднялся, прихрамывая и держась рукой за бедро, где по штанине растекалось темное пятно.

— Не стрелять! — заорал капитан на всю улицу, и Шелестов понял, что эти слова относятся к нему и его напарнику.

Операция должна быть закончена, приказ должен быть выполнен, несмотря ни на что. Это была засада! Немцев много. Открывать огонь — означало погибнуть самим. Тогда на операции можно ставить крест! Каким количеством жизней солдат заплатит Красная армия за то, что группа не смогла достать документы? Во время наступательных операций такого рода, во время операций стратегического характера жертвы исчисляются уже не десятками, а сотнями тысяч с обеих сторон. Сколько жизней солдат ты готов принести в жерт-